

Новая Польша 4/2014

0: А. Д. РОТФЕЛЬД: ПУТИН БОРЕТСЯ ЗА ДУШУ РОССИИ

Россия готовилась к этому конфликту и готовила к нему мир, по меньшей мере, семь лет. Но Запад был застигнут врасплох.

— Россия неожиданно начинает новую холодную войну с Западом. Четверть века тому назад Советский Союз такую войну проиграл. На что рассчитывает президент Путин?

— Меня не устраивает здесь ни определение «неожиданно», ни формулировка «холодная война». Россия готовилась к этому конфликту и готовила к нему мир, по меньшей мере, семь лет — начиная с речи президента Путина в феврале 2007 г. на конференции по безопасности в Мюнхене. Несмотря на это, Запад застигнут врасплох таким развитием событий, для которого у него не разработан эффективный ответ. У нас проблема. Она состоит в том, что пошатнулся фундамент политического и международно-правового порядка, на который опирались мир и безопасность в Европе в течение 70 послевоенных лет.

Это была не «классическая война», а новый тип «специальной операции». Теоретик операций такого типа умер в 1974 г. в Аргентине. В России он приобрел значительную популярность, несмотря на свою враждебность к СССР. Это был полковник Евгений Месснер — начальник штаба Лавра Корнилова и барона Петра Врангеля. Преподаватель Военной Школы в Белграде, сотрудничавший во время Второй мировой войны с III Рейхом. Он разработал концепцию, согласно которой будущие войны будут вестись не за территории и сырье, а за «души народов», это будут войны-восстания — «мятежные войны». Такие конфликты, в которых взрывчатым веществом становятся национальные, социальные споры и дезинформация, по своей сути являются психологическими войнами, а ведутся они при помощи пропаганды, способствующей росту напряженности. Для таких «войн» наиболее пригодны «специальные силы», хорошо обученные соединения для нетрадиционных действий. В этих войнах решающими оказываются не вооруженные силы на полях сражений. В таких операциях армия служит не столько для сдерживания, сколько для устрашения населения и вооруженных сил потенциального противника.

— И Путин решил начать войну за душу украинского народа?

— Президент Путин ведет войну за душу собственного народа. Таким способом он приобретает поддержку, поклонение и энтузиазм. Конфликт из-за Крыма был разыгран по рецепту Месснера. После войны 2008 г. с Грузией, когда армия оказалась малоэффективной и очевидным образом подвела система контроля, связи и командования, в России была принята крупная программа военных реформ и перевооружения. В бюджете на ближайшее десятилетие предусмотрены расходы около 700 млрд долларов на дополнительные закупки. В настоящее время Россия тратит на вооружение 3,7% ВВП. Укрепляются как стратегические ракетно-ядерные силы, так и отдельные сегменты обычных сил. Акцент сделан на деятельность особых сил — спецназа. Из сценариев недавних учений ясно видно, что началом конфликта являются попытки отделения территорий и межнациональные трения. Операция «возвращение Крыма на родину» — это практический тест и проверка эффективности российских вооруженных сил на пограничье с Украиной.

— Трудно предполагать, что момент конфронтации был выбран Путиным. Никто не предвидел развития событий на Украине.

— Путин тоже не предвидел. Это была скорее реакция на развитие событий, противодействие той части украинского общества, которую представляет Майдан. В Москве преобладало убеждение, что Виктор Янукович рано или поздно расправится с протестующим Майданом. Силу общественного протеста недооценили. Однако, совершенно очевидно, что у специальных служб для таких обстоятельств был подготовлен другой сценарий действий, реализацию которого на ходу приспособляли к «спонтанному» отделению Крыма. Ясно видно, как они подстраивали свой план под политический календарь. Референдум по вопросу будущего Крыма вначале должен был пройти 25 мая, потом 30 марта. Наконец, марионеточный премьер Крыма Сергей Аксенов — в прошлом российский офицер невысокого ранга — получил указание ускорить процесс, в результате референдум состоялся 16 марта. Когда журналист российского телевидения спросил у Аксенова, почему он не впустил в Крым инспекторов ОБСЕ, которые имели право провести такую инспекцию на основании венского документа о мерах укрепления доверия — тот ответил по-солдатски: «Они были здесь не нужны, потому что задавали бы неудобные вопросы». Простой человек дал простой ответ.

— **То есть это неправда, что Путин живет в «иной реальности», как это назвала канцлер Меркель?**

— Конечно, нет. Президент России хладнокровно осуществляет свой план, о котором уже давно сигнализировали разные официальные документы. В 2008 г. после войны в Грузии мы узнали, что у России есть особые привилегированные права на территории постсоветского пространства. В феврале 2010 г. была оглашена новая военная доктрина, а в феврале 2013 — новая внешнеполитическая доктрина. Там ясно сказано, что Россия оставляет за собой право на защиту русского населения за пределами Российской Федерации.

— **Эта политика находит понимание в российском обществе?**

— Да. Миллионы русских испытывают ностальгию по утраченной империи. Сам Путин в своем обращении к парламенту в 2005 г. заявил, что величайшей трагедией XX века был распад Советского Союза. Не Первая и не Вторая мировые войны, не фашизм в Германии и коммунизм в России, а распад СССР. Так думают многие русские. Для многих из них отрыв Украины от России это исключительная травма. Я неоднократно говорил на эту тему с Михаилом Горбачевым — автором перемен, которые привели к развалу СССР. Он убеждал меня, что и у его жены Раисы, и у него есть родня на Украине, что у России и Украины общие корни, что это, в сущности, единый народ. Он сожалел, что Украина отошла от России. Впрочем, сейчас он поддержал отделение Крыма...

— **Значит, Путин открыто предупреждал Запад о своих намерениях.**

— Предупреждал. У радикальной российской политики разнообразные источники. Лидеры России не смирились с тем, что эпоха империй миновала. Все великие державы — не только Россия — с трудом примирялись с новой действительностью. Свою роль сыграли и несбывшиеся надежды и иллюзии. Концепция Запада сводилась к тому, чтобы включить Россию в сотрудничество и в систему взаимозависимости. В России же господствовало убеждение, что новый европейский порядок после окончания холодной войны станет новым концертом держав — согласно рецепту XIX века, данному Меттернихом во времена Венского конгресса. На сей раз это были бы три державы: Соединенные Штаты, Европейский Союз и Россия, которая провозгласила и осуществляет возвращение к концепции сфер влияния. Столкнулись два различных менталитета: один, основанный на общей системе ценностей, и другой — на праве сильного держать в страхе своих соседей. То, что произошло сейчас — отделение Крыма — это, с одной стороны, на некоторое время перечеркнуло шансы на построение «широкой Европы», а с другой — привело к потере доверия и убедило Запад в том, что с Россией нельзя строить безопасность, основанную на сотрудничестве.

— **Путин не предвидел, что его действия в Крыму приведут к острому конфликту с Западом?**

— Думаю, что предвидел. Однако он посчитал, что открылось «окно возможности», которое может не повториться. С точки зрения Кремля Запад разделен, слаб, его терзают внутренние кризисы. Он неспособен к быстрой реакции. Возможно, решение об аннексии Крыма принималось как бы «в последний момент, когда это еще было возможно», без осознания всех последствий. Лишь ближайшее будущее позволит русским осмыслить, какова цена решения, которое они так радостно празднуют сегодня.

Для России угрозой безопасности является не ситуация на ее западной границе с НАТО, где более трехсот лет не было столь предсказуемых и добрососедских отношений. Угрозы на юге. У России есть причины беспокоиться из-за идеи создания исламскими фанатиками Великого Халифата. Еще одна горячая точка — это пограничье Средней Азии с Афганистаном. До того, как — после терактов 11 сентября 2001 г. — произошла американская интервенция в Афганистан, на афганско-таджикской границе регулярно шли бои, в которых гибли тысячи российских солдат. Еще один вызов это Дальний Восток — Китай и неурегулированный с Японией вопрос о Курильских островах.

Однако самые главные проблемы имеют внутренний характер. На заседании правительства Российской Федерации в феврале — еще до обострения конфликта на Украине — президент Путин проинформировал Совет Министров, что возможности дальнейшего экономического роста с использованием доходов от экспорта сырья исчерпаны. Эта оценка реалистична и затрагивает суть вопроса. Рост ВВП России должен составлять около 7%, а составляет в настоящее время 1,3%. В Китае в момент наиболее динамичного развития он значительно превышал 10%. У финансовых резервов есть способность молниеносно таять, особенно если они предназначены для военных расходов либо имиджевых инвестиций вроде Олимпиады или моста близ Владивостока, соединяющего материк с островом Русский, где проходил саммит G20. По этому красивому и длинному мосту теперь мало кто ездит. России нужны дороги. Сейчас они в ужасном состоянии. Срочно необходимы крупные инфраструктурные инвестиции. Гигантские предприятия сталинской эпохи, вокруг которых возникли большие города, приходят в упадок — а вместе с ними пустеет российская провинция. Это относится и к городам, и к

деревням. Самая серьезная проблема — это демографический кризис. Средняя продолжительность жизни россиянина составляет 63 года.

— Насколько Путин отдает себе отчет в состоянии российского государства?

— Он осознает это лучше, чем кто-либо за пределами России. Аннексия Крыма, взрыв энтузиазма, обращение к национальной гордости и угар великорусского национализма могут на какое-то время сплотить русский народ и объединить его вокруг лидера. В долгосрочной перспективе это определенно будет служить объяснением и обоснованием ухудшающегося качества жизни: ведь можно сказать, что это следствие санкций и того, что Россия окружена врагами, что это проявление экономической агрессии и т.д. Следует помнить, что русские многое способны терпеливо перенести во имя престижа государства.

— Насколько может затронуть Россию либерализация торговли топливом, то есть разрешение на экспорт из США в Европу сланцевого газа и нефти?

— Не думаю, чтобы Соединенные Штаты пошли на такую войну. Снижение цен на газ и нефть вызовет отклик глобального масштаба. Американцы неохотно прибегают к использованию экономического нажима.

— Имеется в виду падение союзника США — иранского шаха — после снижения цен на нефть в 1979 году?

— Результаты были бы неоднозначными. Пришлось бы считаться с ростом цен на энергоносители в самих Соединенных Штатах и снижением рентабельности производства. Что еще важнее — пришлось бы искать ответ на вопрос о том, как снижение цен на топливо повлияет на положение союзников США в регионе Персидского залива. Это ключевая территория для Соединенных Штатов.

— У нынешней команды нет идей для действительной модернизации России. Там не хватает современных технологий. А ведь инвестиции в вооружения могут привести к технологическому прогрессу.

— Не исключаю, что ожидания именно таковы. Однако я бы поставил вопрос иначе: можете ли вы назвать какое-нибудь изобретение, продукт или устройство, которым мы пользуемся в обычной жизни, хотя раньше оно применялось российскими учеными в программах для вооружений? Ведь так обстояло дело со многими изобретениями в США, вначале имевшими военное назначение: GPS, интернет, кевлар, тефлон и т.д. Русские тоже попытались идти по этому пути, творя технологический прогресс с помощью решений правительства. Под Москвой, ценой огромных затрат, создается российская Силиконовая Долина — Сколково. До сего времени результаты не обнадеживают. Это иллюстрирует экспертиза объемом в три листа и лекция одного из чиновников, которые обошлись в миллионы. Автор объяснял по телевидению, что наука стоит дорого.

— Россия старается аннексией Крыма заслонить свои собственные внутренние проблемы?

— Более существенен другой аспект: под сомнение были поставлены основы международного порядка. Малая война за Крым может вызвать лавину, последствий которой не в состоянии до конца предвидеть ни русские, ни лидеры Запада. Через годы историки подтвердят, что этого сползания к катастрофе можно было избежать.

Беседовал Павел Вронский

1: РОДИНА НАШИХ РОДИН?

Что будет с ЕС? Если наступят тяжелые времена и равномерному распределению доходов придет конец, будет ли Евросоюз по-прежнему актуален для полумиллиарда европейцев, или они предпочтут попрятаться за каменными стенами национальных государств, вековых претензий к соседям и непрочных наступательно-оборонительных союзов?

Многие недобро шутили, что Европейский союз получил Нобелевскую премию мира в качестве прощального подарка, поскольку именно этой зимой явно не служил примером общественной гармонии и согласия, оказавшись, скорее, образцовым нагромождением национальных эгоистических волей. Одни главы правительств похваляются перед избирателями тем, сколько они сумели выжать из Брюсселя для своей страны. Другие обещают своим, что не станут больше платить за средиземноморских дармоедов.

Хорошим тоном стало выставлять Брюссель эдаким бюрократическим монстром и метаться с указующим перстом, ища виновных в творящемся наднациональном балагане — будь то бездельники-греки или коварные немцы, которые сразу после объединения Германии стали строить планы завоевания Европы. То, что последним не удалось в 1914 и 1939 годах, теперь, дескать, отлично получается при помощи экспорта и кредитной политики.

На пангерманизм жалуются не только греческие или итальянские газеты — в последнее время к ним присоединились французские и британские СМИ: так, в Англии одна левацкая газета написала, что Ангела Меркель опаснее Ахмадинежада, президента Ирана. Польская бульварная пресса захлебывается криком: пусть ЕС хоть треснет, но обещанные деньги выделит. А немецкие газеты пыжатыся: мы лучше всех, и потому абсолютно самодостаточны...

Можно, конечно, утешаться тем, что визг в средствах массовой информации, который всякий раз поднимается перед встречей «в верхах» — это пустяки, дело житейское. Сто лет назад куда более невинные национальные разногласия привели к «всеобщей войне за вольность народов», к которой призывал Мицкевич. Однако сегодня — несмотря на все эти склоки вокруг дотаций сельскому хозяйству и фондам развития, «греческого кризиса» и «немецкой доминанты» — Третья мировая бойня Европе явно не угрожает. Такое даже представить себе нельзя, хотя — как предостерегали недавно в Осло представители нобелиатки Жозе Баррозу и Херман Ван Ромпёй — нет ничего невозможного.

Исторические успехи

За 67 лет послевоенных лет европейцы научились справляться с «наследством проклятого прошлого». В ходе бескровной революции 1989 года они победили коммунизм и создали до того привлекательную амальгаму национальных государств и наднациональных европейских институтов, что многие страны выстроились в очередь, надеясь на вступление в ЕС. Несмотря на это историческое достижение, Евросоюз сегодня находится на распутице: и не из-за обленившихся греков, жадных немцев или игнорирующих континентальные проблемы британцев, а из-за цивилизационной пропасти, зияющей между латинским Югом и нордическим Севером, из-за нежелания иметь общую валюту и очевидных недостатков евросоюзской конструкции как таковой.

Любой структурный кризис между тем имеет свои плюсы, поскольку заставляет искать ответ на ключевой вопрос: что дальше? Если наступят тяжелые времена и равномерному распределению доходов придет конец, будет ли Евросоюз по-прежнему актуален для полумиллиарда европейцев, или они предпочтут попрятаться за каменными стенами национальных государств, вековых претензий к соседям и непрочных наступательно-оборонительных союзов?

Вацлав Гавел говорил, что Европа — это «родина наших родин». Но за этой метафорой кроется юридическая квадратура круга. Поскольку ЕС должен как-то увязать легитимность демократических национальных государств с легитимностью наднациональных структур, призванных отстаивать высшие европейские интересы. И чтобы сгладить противоречия между национальным эгоизмом и интересами европейского сообщества, была создана не слишком прозрачная институциональная структура ЕС.

- Европейский парламент хоть и избирается напрямую, но — вопреки зафиксированной в Лиссабонском договоре реформе — обладает довольно скромными полномочиями и часто служит местом ссылки для политиков, которые у себя в стране изрядно надоели населению.

- Европейская комиссия, хоть и является своеобразным органом исполнительной власти ЕС, в то же время, будучи сформированной государствами-членами, только частично подотчетна Европарламенту, что делает ее демократическую легитимность довольно слабой.

- Подобным образом обстоят дела с Советом Европейского союза, собранием представителей государств-членов, легитимность которых ограничена этими самими государствами. Избирателей Ангелы Меркель, Франсуа Олланда или Дональда Туска прежде всего интересует, может ли их кандидат достойно представлять их интересы как в родной стране, так и в Брюсселе, а не его способность заботиться о состоянии Европы таким образом, чтобы эту дойную (в том числе и для налогоплательщиков) корову не «задоили» до смерти.

Так что Европарламент и Еврокомиссия — структуры хоть и наднациональные, но с ограниченной компетенцией. Зато Совет представляет собой арену, на которой сталкиваются эгоистические национальные интересы.

Эта конструкция вполне оправдывала себя, пока «у руля» в так называемом «малом ЕС» находилось поколение, которое помнило Вторую мировую войну. Историческая травма вкупе с коллективным опытом позволяли преодолевать национальный эгоизм и регулировать влияния (как реальные, так и имиджевые) в зависимости от политической конъюнктуры, а не экономической мощи. Германия, к примеру, была не против платить пропорционально больше, чем Франция, соглашаясь в то же время на политическое первенство Парижа. Как любил повторять Гельмут Коль: «Перед немецким флагом я склоняю голову один раз, а перед французским — трижды».

Ницца или смерть!

Все это закончилось в декабре 2000 года в Ницце, где Герхард Шрёдер фактически навязал Евросоюзу первенство Германии, что в действительности полностью устраивало большинство стран. Вскоре разразилась дискуссия о наиболее удобной расстановке сил в Совете Евросоюза. Именно тогда мы «умирали за Ниццу», неуклюже пытаясь извлечь из ситуации довольно осмысленный, в принципе, «квадратный корень». Однако во всех случаях мы сражались не за общеевропейские, а за наши, польские интересы. Хотя в 2004 году, когда Марек Белька на нашей первой встрече «в верхах» сплотил вокруг себя «новеньких», чтобы спасти европейский бюджет, которому угрожали Франция и Великобритания, речь шла о чем-то большем, чем национальный эгоизм.

Сегодня, однако, одной доброй воли премьеров и президентов явно недостаточно, ибо Евросоюз находится в кризисе не столько из-за паршивого характера нынешних политиков, сколько из-за ошибочной конструкции самого ЕС. Существовавшая ранее модель конфедерации национальных государств больше не работает, а эффективную федерацию пока что создать не удалось. И неизвестно, будет ли она вообще создана. Поскольку нет ни уверенности, ни доказательств, что Европа в состоянии создать над- или, точнее, постнациональную демократию. В ЕС действуют подобию государственных институтов — парламент, правительство, трибунал — но нет разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Любая же попытка превратить ЕС в супергосударство будет абсурдной и заранее обреченной на провал.

В 90-е классики политической мысли доказывали, что это просто невозможно — к примеру, Герман Люббе в работе «Прощание с супергосударством. Соединенных Штатов Европы не будет» (1994) или Тони Юдт в «Великой иллюзии» (1996). Дело в том, что демократия в Европе развивается начиная с XVIII века в рамках национальных государств, и — кроме опыта Швейцарии — ничто не указывает, что возможен какой-либо иной сценарий.

В таком случае — мечтает та часть наших правых, которая призывает: «Отдайте нам наш ЕС!» — пусть все остается как есть или даже как было в 2004 году перед подписанием Лиссабонского договора. Другая их часть предвкушает победу: еще чуть-чуть и европейский кошмар развеется. Урвем, сколько получится, и останемся при своем — с возделенной смертной казнью, пограничным контролем и полицией нравов, а прежде всего в привычной ситуации лицом к лицу с хорошо известными недругами, без взаимоуважения и примирения, с региональными союзниками, которые только спят и видят, как бы в очередной раз поддержать Великую Польшу...

Все это — химеры и иллюзии.

Манифест в пользу Европы

Действительно, евроскептицизм сегодня в большой моде, но и манифесты, поддерживающие процесс евроинтеграции — также.

Австрийский писатель Роберт Менассе на полгода поехал в Брюссель собирать материал для разоблачительного романа о «еврократах», а вернулся оттуда другим человеком. В эссе, полным евроэнтузиазма, он писал, что брюссельская бюрократия очень экономна, ее деятельность абсолютно прозрачна, не подвержена коррупции, а самое главное — немногочисленна, меньше чиновников только в Вене. Голландский писатель Гирт Мак не исключает, что Евросоюз распадется, но потом моментально возродится уже в новой конфигурации. В Германии философ Юрген Хабермас пытается втолковать, что Европа — это конституционный проект, а социолог Ульрих Бек — что построение европейской постнациональной демократии «снизу» в XXI веке очень даже возможно. Если Европе не суждено быть немецкой, она должна приложить все силы для заключения нового общественного договора. Зато франко-немецкий кумир 1968 года, а ныне европарламентарий Даниэль Кон-Бендит и бывший премьер Бельгии Ги Верхофстадт в своем совместном манифесте «За Европу!» аргументируют в пользу постнациональной Европы.

«Имей смелость — пишут они — снова мыслить по-европейски. Имей смелость оставаться на европейских позициях. Сделай европейский проект частью мира и завтрашней Европы. Возражай, спорь, борись с националистами, консерваторами, популистами. Используй в качестве аргументов невообразимо трагические последствия распада европейского континента. Объясни им, во сколько обойдется возврат к национализму. Объясни им, чего будет стоить Не-Европа, «Ново-Европа», еще более раздробленная, о которой грезят эти крысоловы, для которых даже нынешние страны слишком велики. Объясни им, во сколько обойдется обвал евро — а это огромная часть нашего состояния, в два-три раза больше убытков от банкротства «Lechman Brothers». Разоблачай тех, кто считает Европу ни к чему не обязывающим собранием древних отчизн. Разоблачай узкий консерватизм, который интересуется только размыывание демократии. И в первую очередь высмеивай популистов, которые по-прежнему твердят, что они в курсе чаяний «народа», а также тех политиков, которые вместо того, чтобы показывать своим избирателям дорогу в будущее, лишь потворствуют их самым низким инстинктам. Демократия должна опережать общественное мнение, а не слепо, угодливо и в то же время цинично следовать ему лишь затем, чтобы вновь победить на выборах».

Авторы манифеста отрицают одно из самых распространенных представлений о Евросоюзе как о конфедерации национальных государств. Нет! Основа ЕС — пишут они — это его жители. И цель Евросоюза — не в том, чтобы отстаивать национальные интересы государств-членов, а в том, чтобы решать насущные проблемы его жителей и европейских наций в целом. ЕС — это наднациональный, а не международный институт.

Вот почему высшей властью в ЕС наделены Европарламент и Европейская комиссия, а также Совет, в то время как некоторые государства — особенно Франция — хотят превратить ЕС в межправительственную организацию, управляемую главами правительств или государств-членов. Комиссары превращаются в заурядных исполнителей чужих директив, а парламентарии — в поддакивающих болванчиков. Вот почему европейская демократия не пользуется уважением. Это Германия и Франция в 2004 году первые нарушили Стабилизационный пакт, превысив разрешенный бюджетный дефицит. Наказаны эти страны не были, но уже в 2010 году они требовали наказать за то же самое других. «Ни президент Франции, ни канцлер Германии не вправе говорить от имени Европы, поскольку они представляют французские или немецкие интересы, но никак не европейские».

Постнациональная демократия

Постнациональная демократия в Европе возможна, утверждают Даниэль Кон-Бендит и Ги Верхофстадт. Президент Еврокомиссии должен избираться или в ходе общеевропейских выборов или, в крайнем случае, как и комиссары — Европарламентом. Следовало бы также создать общеевропейский избирательный список, чтобы не копировать национальные партийные системы. Парламент также должен принимать решения о распределении европейского бюджета, который необходимо увеличить при помощи специального налога, к примеру, налога с банковских операций.

Тут нужны не отдельные идеи, а целое направление мысли, полагающее, что ЕС все еще находится *in statu nascendi* (лат. ‘в стадии формирования’). Точкой, в которой сходятся основные перспективные направления, должен быть не только финансово-экономический союз, но и политический и социальный союзы. Общая армия и постоянное членство ЕС в Совете безопасности ООН. Европа национальных государств — это прямой путь к стагнации и маргинализации Европы в XXI веке.

Опасения поляков на пути к политическому союзу более приземленные и конкретные. Расширение полномочий Европарламента было бы преждевременным, говорят польские дипломаты в ответ на манифест Кон-Бендита и Верхофстадта. Кризис в зоне евро и дрейф Великобритании на периферию ЕС, добавляют они, разрушают единство Евросоюза и могут привести к тому, что Польша окажется у разбитого корыта.

По мнению министра Сикорского — члена созданной по инициативе председателя Баррозу «группы мозгового штурма», куда входят 11 министров иностранных дел некоторых стран ЕС — движение в сторону политического союза имеет смысл, но не может происходить за счет государств-членов, в юрисдикции которых должны оставаться весьма деликатные вопросы национального самосознания, культуры, религии, общественной морали и налогов.

Зато имело бы смысл объединить руководящие полномочия председателя Еврокомиссии и председателя Совета Евросоюза, усилить (но не слишком) демократическую легитимность Европарламента и локализовать его в одном и том же месте. Также было бы неплохо проводить выборы в Европарламент в один и тот же день во всех государствах-членах, а также разработать общий наднациональный избирательный список. Можно было бы усилить роль Еврокомиссии и сохранить (в конечном итоге, при помощи Совета) методику совместного принятия решений.

Это не Бог весть какие предложения, но, принимая во внимание польскую внутреннюю и внешнюю ситуацию, они вполне понятны. Польша, зажата между зоной евро и британским фронтом отказа переходить на единую европейскую валюту, не очень подходит на роль передового отряда политического объединения Европы. Зато в самой Польше наши федералисты — которых неонационалисты кличут «федерастами» — только изредка отваживаются перейти Рубикон, как, например, Януш Паликот и Лешек Миллер во время парламентских дебатов относительно присоединения Польши к фискальному пакту.

Обычно против политического углубления ЕС евроскептики выдвигают три аргумента:

- ЕС передает слабых под контроль сильных, хорошим доказательством чего может служить нынешняя недееспособность Греции. Но с тем же успехом можно сказать – поймал татарин казака, а тот его за нос держит. Эти якобы «сильные» тоже довольно серьезно зависят от «слабых», и, в конце концов, компромисс сведется к списанию долгов и опекой над должниками.

- Углубление ЕС означает размывание национальной идентичности. С другой стороны, самоотверженная защита архаичной идентичности может кончиться именно так, как в Греции — принудительной модернизацией. Современные нации действительно вовсю подпитываются собственной незапамятной мифологией, но по сути своей сконструированы в XVIII веке, претерпевая с тех пор различные изменения — в том числе и в области самосознания. В будущем выигрывает тот, кто не становится заложником собственного прошлого.

- И, наконец, третья претензия: ЕС представляет собой угрозу для демократии, навязывая свои услуги третейского судьи с соответствующими решениями, надиктованными политиками сильнейших государств и проводимыми в жизнь бездушными еврократами. Единственная в современной Европе форма демократии, которая прошла испытание временем — это демократия в рамках национального государства, национального общественного мнения и разделения властей.

Поиск путей

Но и здесь можно с уверенностью парировать. Две мировые войны и три тоталитарные системы — коммунизм, фашизм и нацизм — возникшие на руинах именно национальной демократии, могут послужить хорошим доказательством недолговечности последней. Именно поэтому отцы-основатели ЕС в 50-х годах пришли к выводу, что для блага жителей демократической Европы обязательно существование наднациональных институтов. И как раз сейчас начинается поиск путей для их демократической легитимизации.

В объединенной Европе национальное государство не отомрет как таковое, но в то же время демократия будет вынуждена выработать собственные постнациональные формы. Большая европейская дискуссия о постнациональной демократии уже в разгаре. И в ней должны прозвучать голоса творчески настроенных, открытых к диалогу и уверенных в себе поляков.

Адам Кшеминский — публицист польского еженедельника «Политика», в 1987–98 гг. главный редактор польско-немецкого журнала «Диалог». Живет в Варшаве.

2: О ЕВРОПЕЙСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ

Польский Фонд имени Роберта Шумана был создан в 1991 году. В число его основателей входили Тадеуш Мазовецкий и Петр Новина-Конопка. В уставные задачи Фонда входит: «продвижение идей европейской интеграции и европейское образование», «общественная активизация граждан, поддержка демократических и гражданских ценностей», а также «ознакомление с польским опытом участия в европейской интеграции и социально-политико-экономической трансформации». Эти задачи составляют неотъемлемую часть миссии, принятой на себя Фондом и определяемой как «мотивирование гражданской активности европейцев, а также содействие европейской интеграции и ценностей, на которых она основана». Эти установки реализуются путем организации конференций, симпозиумов, семинаров, а также через Европейский волонтиариат, предназначенный для молодежи, которая живет в Европейском союзе и странах, не входящих в него, таких как Россия, Украина или Беларусь. Начиная с 1999 г., Фонд ежегодно организует в Варшаве Парад Шумана. Он проходит в годовщину представления Робертом Шуманом 9 мая 1950 г. плана создания Европейского сообщества угля и стали, то есть зачатка будущего Европейского союза. Не забывает Фонд и о «работе у основ»